

ОКИПЕТА

*В том же преддверье толпой теснятся тени чудовищ:
Сциллы двувидные тут и кентавров стада обитают,
Тут Бриарей сторукий живёт, и дракон из Лернейской
Топи шипит, и Химера огнём врагов устрашает,
Гарнии стаяй вокруг великанов трехтелых летают...*

Вергилий, «Энеида»

Из рук старика, застывшего на пороге кабинета, чуть не выпала заварочная чашка, от которой по коридору стелился шлейф тонкого запаха цейлонского чая с бергамотом. В его курульском кресле, украшенном медузиными головками по подлокотникам, небрежно постукивая перламутровым ногтем по ореховой столешнице, затянутой зеленым сукном, сидел молодой человек в белой тоге, обнажавшей его красивые руки с широкими браслетами.

- Какую отличную мебель делали раньше, верно? – спросил он старика. – Если не ошибаюсь, стол немецкой работы, ореховый массив, а фурнитура - испанская бронза. Великолепно!

Незванный гость встал и прошелся по кабинету, долго рассматривая старинный дрессуар, с закрепленными в дверцах шкафчиков прямоугольными вставками расписного стекла, где тушью и золотом были нанесены античные мотивы.

- Самое начало XIX века, - обернулся он к продолжавшему стоять с чашкой в руках старику. – А я уже начал забывать, насколько это было прекрасно! У вас и столики-треножки, ониксовые вазы, прорези в спинках дивана в виде лиры... чудесно!

- В-вы... кто? – с усилием выдавил старик.

Молодой человек посмотрел на него с нескрываемым недоумением. Вся обстановка кабинета в строгом и изящном стиле античного модерна как нельзя лучше соответствовала его облику, в отличие от старика с чашкой он оживлял все эти старинные вещи, словно в этот создававшийся долгими годами интерьер вернулся настоящий хозяин. Старик же, напротив, смотрелся несколько странно на фоне мебели, явно знававшей другие времена и будто ждавшей их возвращения. Ели один беглый взгляд на собранные предметы оставлял глубокое эстетическое впечатление на всю жизнь, то сам хозяин производил странное впечатление. На его лицо можно было смотреть часами, пытаться запомнить каждую черточку, чтобы отвернувшись, тут же забыть навсегда. Казалось, стоило ему присесть на банкетку с золочеными ножками в виде лиры, то он немедленно сольется с ее шелковой обивкой.

- Ах, оставьте эти церемонии! Вы давно ждали меня! – с легким раздражением бросил хозяину молодой человек. – Проходите, угостите меня чаем. Ведь вы ждали моего прихода с тех самых пор, когда поняли, что за коллекцию собирает ваш отец. Помните, как в детстве вам хотелось вместе с ним пойти на обыски и аресты, чтобы уж точно не пропустить ни одну эту чудесную

вещицу? Молодость, романтика! Признайтесь, тогда бы вы встретили меня более гостеприимно?

- В молодости с легкостью веришь в несбыточное, так много хочется, - тяжело вздыхая, сказал старик, устраиваясь на канаве у окна. – Потом понимаешь, какое опустошение могут приносить исполненные желания, а от каждой встречи ждешь очередного разочарования...

- Да, но от этих вещей вы не отказались, хотя лучше других знаете, что означают эти змейки, орлиные когти и медвежьи лапы, - рассмеялся гость. – Только вот передать это все будет некому. Опять разнесет эти вещи по разным рукам... пока кто-то вновь не решит собрать их вместе.

- Мне это нужно для работы, чтобы постоянно ощущать некие флюиды, чтобы сразу погрузиться в атмосферу античности, - пояснил старик, глядя, как гость бесцеремонно взял со стола увеличенную фотографию ликийского барельефа. – А этот барельеф интересен тем, что гарпия изображается не с обычными орлиными лапами, а с медвежьими.

Гарпия с медвежьими лапами на фотографии сжимала тщедушное тело ребенка. Молодой человек перевел взгляд с фотографии на медвежьи лапы серванта с античной майоликой.

- Уверен, что мебельщик никогда не видел ликийских памятников Ксантоса и рельефных фризав мавзолея «Харпии», изображающих край мёртвых, а вот пропорции взял те же самые, - с недоумением сказал он. - Только древними ликийцами гарпии изображались не по преданиям, а именно такими, какими они их видели. Обычно гарпий видят лишь обреченные. Ксантос был единственным городом, где жители дважды за свою длинную историю

совершали массовое самоубийство, чтобы избежать владычества гарпий.

- Так это в память об этом на западе города был выполнен мавзолей, на котором была изображена гарпия... Они действительно ее видели, когда она кружила над городом, - догадался старик. – Никто раньше не понимал смысл барельефа, считая, что гарпии похищают не только души взрослых, но и крадут детей. Ведь здесь гарпия в когтях она сжимает душу ребенка.

- Люди воспринимали это изображение слишком прямолинейно. Изображение, скорее, аллегорическое, ведь жители Ксантоса сами умертвили собственных детей, чтобы те не достались гарпиям. Человеческое восприятие в большинстве случаев не назовешь утонченным, - задумчиво произнес молодой человек. – Здесь довольно точно изображена реальная Окипета, наша «быстрая», и у нее действительно медвежьи лапы, от которых и пошло смешное выражение «медведь на ухо наступил», где подразумевается именно ее лапа и ничья больше. В ее задачу входит контроль над младшими музами, чтобы не дать им возможность раскрыться, чтобы их творчество было понятно немногим... вот как истинный смысл этого барельефа.

- Но сейчас этот барельеф находится в Британском музее, мало кто его не видел, - будто в оправдание сказал старик.

- Мало кто? Но тех, кто понимает, о чем речь, действительно мало! – воскликнул гость. – И знаете, почему? Потому что мне не нравится, когда таких становится слишком много! А еще мне не нравится, когда кто-то делает вид, будто не понимает, о чем идет речь. У вас ведь имеется и камея – точная уменьшенное изображение этого барельефа.

Старик вздрогнул и опустил голову. Молодой человек широко улыбнулся, глядя на его посеревшее лицо.

- Как повторяется история! И вот уже жители другого осажденного города решают погибнуть, но не сдать свой город врагу. А ваш отец в этом холодном умиравшем городе искал эту камею, понимая, что она позволяет видеть... Вы не могли бы ее показать мне? Хотелось бы взглянуть на нее еще раз.

- Ее... у меня нет, - выдавил из себя хозяин.

- Жаль, - не стал настаивать гость. – Я хорошо помню эту сцену! Темная холодная каморка при кухне огромной вымершей коммунальной квартиры... Ваш милый папа подошел к умиравшей на топчане старушке, державшей камею в счет оплаты тому, кто найдет ее, а потом найдет в себе силы, чтобы отнести ее к общей яме. Больше у старухи ничего не было, камея была всем, что осталось от ее жизни. Ваш папа поступил благородно, он вынул камею из слабых старушечьих пальцев и вложил в нее пайку блокадного хлеба. Она ему была не нужна, он ужинал в Смольном.

- Не думаю, что вы правы, - осторожно возразил старик. – Отец сказал, что... нашел случайно. Там ведь были бомбежки, разрушения...

- Вы, смертные, так наивны, считая, будто за вами никто не наблюдает, когда вы не видите никого рядом, - оборвал его гость. – Вам дают в безраздельное владение самую непостижимую тайну, самую большую драгоценность, которую вы так и не научились ценить. И вы считаете, что никому вокруг неинтересно, как вы ею распорядитесь. А это... интересно многим!

- Вы имеете в виду... камею? – нерешительно поинтересовался старик.

- Не совсем. Хотя и ее тоже. Как вы считает, отдать за бесценную камею корку хлеба, зная, что старуха уже ничего не сможет никому рассказать – это погубить или спасти свою душу? Это лишить надежды умирающую или, напротив, ее дать? Как вы понимаете, все ответы будут неоднозначны. Впрочем, давайте к делу, вы же знаете, ради чего я вас потревожил.

В гостиной внезапно хлопнуло окно и ветер шевельнул гардины из тяжелого шелка. Старик с тревогой посмотрел на молодого человека, невозмутимо рассматривавшего старинные книги в шкафу с выдвигаемыми ящичкам бюро для письма. В гостиной послышались тяжелые быстрые шаги, и старик со страхом посмотрел на входную дверь, где возникла странная фигура женщины-полуптицы с мощными медвежьими лапами. Ее бледное лицо необычайной красоты, увенчанное царственным венцом, выражало крайнее презрение.

- А, вот и она! – радостно распахнул ей руки навстречу мужчина. – Наша красавица Окипета, быстрая и беспощадная, лишаящая каждую душу вредного и ненужного качества – сочувствия, сопереживания. Обычно люди не дают воли этому чувству, считая, что без него будут счастливее. А это чувство – единственное, что дает возможность понимать красоту мира и настоящее искусство. Без него и возникает та самая глухота ко всему прекрасному, которая называется «медведь на ухо наступил». Но полюбуйте той, кто заслуженно носит эти медвежьи лапы!

- Он меня видит? – спросила гарпия резким неприятной тембровой окраски голосом. – Ты с ним уже все решил? Камея у него?

- Нет, пока еще не решил, куда торопиться? Тебе все надо быстро, - остановил ее молодой человек. – Он говорит, будто камеи у него нет, но ведь ты сама чувствуешь, что она здесь, но хорошо укрыта от посторонних глаз. Надо решить не с ним, а с... Царицей. Может, лучше оставить его хранить камею, чтобы она не попала в чужие руки?

- Поступай, как знаешь! – по-прежнему резко ответила Окипета. – Мне все равно! Но я должна иметь гарантии, что камея не попадет к младшим музам. У меня и так сейчас много проблем.

На днях мне тот, кто нынче воплощает Мельпомену, предложил почитать репринтное издание преподобного Кобхема Бруера. Еще и зачитал при всех: «Он как гарпия, разумею под этим: тот, кто хочет поживиться на чужом; тот, кто без угрызений совести живет за чужой счет». И все вокруг притворно заахали: «Начало прошлого века, а будто из нашей жизни! Какой потрясающий реализм!» Но смысл этой сцены был бы понятен и младенцу, мне откровенно намекнули, что считают гарпией.

- Ну, они ведь не смогут доказать это в суде, - легкомысленно перебил ее молодой человек. – Однако, с какой стати начали издавать эти книги?

Он резко повернулся к старику и спросил: «У вас вижу книги Райса Берроуза Эдгара, Джона Гуиллима, Аптона, Альдрованди, Конрада Геснера, Генри Пичема... всех предыдущих владельцев камеи, все они писали о гарпиях. Но мало кто собирал библиотеку только о них, без единой вещицы, где бы содержалось вдохновение другого рода. Мне даже нет нужды заглядывать в ваш Оксфордский словарь, чтобы увидеть, где там торчит закладка. Тоже на гарпиях, верно?»

- «Гарпия – хищное жадное существо, нападающее на людей и грабящее их», - процитировала на память Окипета. – Откуда в последнее время появилось столько репринтных изданий именно из вашей уникальной библиотеки? Второго такого собрания, насколько мне известно, нет.

- Я здесь ни при чем! – вскинулся старик. – Меня тоже удивило недавно в букинистическом отделе, как юноша смотрел “Теогонию” древнегреческого поэта Гесиода, упоминавшую вас и вашу сестру - “белокурую” Аэлло. Его в Древнем Риме не все читали! Тираж пять тысяч экземпляров, почти как у порнографических журналов. Еще подумал, с какой стати их на Гесиода потянуло? А этот мальчик еще прочитал вслух своей подружке именно про вас - “Окипета дружит с ветрами и птицами, и ее быстрые крылья возносят ее высоко над землей”. И все вокруг прислушались, а два покупателя молча взяли книгу античной поэзии и пошли покупать!

- Это она так на всех действует, - вскинулась женщина-птица. – Только она может написать, как все вокруг взбесились и пошли читать «Теогонию» Гесиода, это в ее стиле. А сейчас она пишет и уже знает, что мы придем к нему! Я чувствую ее смешок! Ты должен был ей помешать!

- Я сделал все, что мог, - ответил гость, нахмурившись. – У нее, конечно, никогда не могло быть этой камеи, но она как-то ведь поняла, кто перед ней, раскрыв Аэлло. Кстати, где сейчас Аэлло?

- Она с Аэллопой, - неохотно призналась Окипета.

- Аэллопа еще не летает? – озабоченно спросил он.

- Нет, расплавились маховые перья, сложно восстанавливаются. Эта Сфейно обратилась в адское пламя...

- Проклятая старуха! – не на шутку разозлился молодой человек, и старик с удовлетворением почувствовал и нотку страха, который тут же отозвал в нем самом тоскливым тянущим чувством, потому что молодой человек повернулся к нему и зло произнес: «Поэтому нам надо

поинтересоваться у этого смертного, как это они допустили такое?»

- Да я-то здесь при чем? – еще больше удивился старик. – Вы сами должны были хоть немного сдерживаться, не устраивать пиршество гарпий настолько открыто! Нельзя было разрушать все! Ведь даже наш отдел античности разогнали... А при нас такого не было.

- В театре уже собрались Полигимния, Мельпомена и Талия, - бесстрастно доложила Окипета. – Терпсихору удалось выжить несколько лет назад. Сирена Телксиепия сказала, что Эрато имеет в планах помочь младшим музам. Того и гляди, в театре соберется полный комплект.

- Эрато? – рассмеялся молодой человек. – Она уже сделала достаточно, чтобы о ней можно было забыть навсегда, поставив жирный крест на нашей хорошенькой музе любовной лирики. Да и Терпсихоре, чья трудовая книжка до сих пор лежит в театре, путь на его сцену закрыт окончательно. Думаю, ты как-нибудь справишься с этими тремя?

- Я бы не стал рассуждать столь категорично, - тихо сказал старик, обратив внимание, что в глазах женщины-птицы промелькнуло нечто вроде благодарности, - Возле Каллиопы появилась какая-то женщина на Фейсбуке. Она посещает оперные форумы. Это легко отследить, - кто и где дает ссылки на «огуречный блог» Каллиопы. Она весьма последовательно привлекает Каллиопу к защите одного преподавателя центральной детской музыкальной школы, обвиненного в домогательствах к ученице.

- Но ведь ее блог никто не читает, - презрительно вставил гость.

- Какая разница? – продолжил старик. - Вы же сами знаете, что Каллиопе достаточно показать написанное хотя бы одной старшей музе, чтобы оно начало работать. А как я понял, она уже нашла Клио. Это очень опасно, у нас никогда не собирались вместе старшие сестры. Позапрошлым летом, после обрушения ее блога, она пригласила к себе всех, кто помогал восстанавливать ее новый блог. Там были наши люди, они подтвердили, что к ней приезжала женщина, очень подходившая в интересах и высказываниях на Клио. Они прямо вцепились друг в друга. И эта Клио постоянно вертелась возле нее, поддакивала, всему радовалась. Потом она неожиданно явилась на суд, где доказывала, что все слова, которые не кому-то не понравились, писали в блоге Каллиопы представители спецслужб, имея доступ к панели администратора. Там все заседания, где она присутствовала, превращались в сплошную чертовщину. Вызванный прокурором эксперт, якобы проверявший компьютеры, изъятые у Каллиопы, при ней заявил, что в админскую панель может с легкостью войти «кто угодно». А перед этим он хвастал, как следил за всеми по IP-адресу. Едва его удалось привести в чувство, но все доказательства полетели так, что судью пришлось в бараний рог сворачивать. Нет, это определенно она! И нет разницы, чувствует Каллиопа свою магию или нет. Когда она вместе с Клио, та всегда из-за ее спины устроит «урок истории», внушит ей уверенность. Она и в блоге у нее постоянно давала какие-то исторические ссылки. Они вместе жили, вместе ели, поэтому в полной инициации Клио сомневаться не приходится. И нынче вместо этих двух муз, которыми обычно выступали нелюдимые индивиды не от мира сего, - две хитрые ушлые бабы, на которых клейма негде ставить.

- Как это вообще могло произойти? Как? – с раздражением выдохнул гость, сжимая кулаки. – Почему я все узнаю последним?

- А ты хотел это знать? – вставила шпильку Окипета. – Ты был занят самим собой, считая, что тебе достаточно флиртовать с Эрато, заранее предвкушая, как разделаешься с ней, когда ее время выйдет. Ты считал, что достаточно выставить кого-то вместо них, но ведь часики Сфейно запускаешь не ты! И что останется мне, когда она соберет всех старших муз и перешагнет через голову Эрато, как та всю жизнь блохой скакала по их головам?..

- Нет, это я вас всех должен спросить, почему она еще жива, если все так плохо? – заорал гость больше для себя, чем для присутствующих. У нее не было ни одного шанса! Я, лично я ей не оставил ни одного шанса! А вы должны были ее прикончить!

- Да она добивалась, чтобы ей объявили войну открыто! – заорала Окипета. - Я это потом только поняла, когда она Аэлло уничтожила, выставила ее на посмешище! Когда она выставила всех на посмешище, включая генерала, который лично приезжал за ее приговором на двадцать тысяч рублей! А ты в курсе, что этот судья вызывал ее после суда к себе и рыдал:

«Вы поймите! Вы должны понять! Не все в наших силах!» А потом ей звонили из всех районных прокуратур и просили скинуть им на мейл ее приговор и обвинительное заключение. И ржали над нами! Ржали!

- И над ней тоже! – продолжал орать молодой человек, на бледных щеках которого от крика показался слабый отблеск румянца.

- Да кому она нужна? Она в этом раскладе вообще ничего не значила, это все понимали! – зло возразила Окипета. - Ее еще умоляли перестать под прослушку рассказывать истории про исполняющую обязанности прокурора района, которую выставила Аэлло ей вместо психиатра в психушке. – Ведь прослушкой занимаются молодые мальчики, они откровенно ржали над этими историями про пьянки прокуроров и фигурную... ерунду всякую, про «целлюлитные задницы некоторых полковников юстиции, которые они не стесняются демонстрировать молодым лейтенантам в состоянии сильного алкогольного опьянения!» Но главное, во всем Поволжье борьба с экстремизмом на ней и захлебнулась! Все под завязку наелись ее историями, которые она публиковала в Интернете!

- Должен заметить, что вы сделали только хуже, - вмешался старик. – Мы на долгие годы создали возле нее вакуум, делали вид, что она – никто и звать никак. Мы постоянно доказывали ей, что она ничего не значит, ее никто не читает. А во что превратилась эта ваша борьба с экстремизмом? Там же вышли на бюджетный «распил» доморожденные «эксперты», доказывавшие ей в суде, что каждое ее слово взрывается в чужих мозгах и заставляет полностью пересмотреть свою жизнь нежелательным образом. Как бы еще и псевдонаучную базу подводили под эти утверждения. Сами-то они, конечно, утверждали, что на них «не подействовало», но само это дело давало понять, что Каллиопа необычайно важна всем! А этого делать было нельзя! Тем более, что с нее начали с первой перед масштабными общественными провокациями с демонстрациями и митингами. И какой вывод могла сделать Каллиопа, всегда выступавшая против общественных беспорядков?

- Да это он не понимает! - продолжала орать Окипета, хлопая крыльями и наступая на молодого человека, который будто стал ниже ростом. – Там три года планировалась кампания по закручиванию гаек, а она все сорвала, все! Наездом на нее, открытым выступлением, они ей все карты в руки сдали, она каждого прокачала и все выложила в Интернете. Ведь сейчас ни одного провокационного движения не осталось! От всех «лидеров» тут же стали отшатываться, стоило им сказать что-то против нее! А они долгие годы помогали ее сдерживать! И какие сейчас у нас «лидеры оппозиции»? Они поднимают ее темы бюджетного воровства и коррупции! Никто не может шевельнуться на политической сцене без обязательной критики в адрес «реформы ЖКХ»!

- А разумнее было выступить в старом апробированном русле «пролетарского интернационализма», - повысил голос старик. – А Каллиопа, выступавшая против преступлений на этнической почве, тут же заявила, что у нас – «многонациональная нация», выбивая почву из программной «защиты русского этноса» националистических движений. Уж как она может все смысла лишить, так никто, кроме нее, как говорится, не сделает.

- Интересно, а как раньше-то их приканчивали? Мы что-то новое изобрели? – рывкнул молодой человек.

- Я бы сделал все, чтобы она так и писала свои стайки, реагировала на текучку, но не дал бы ей продолжать писать! – почти заорал на него старик. - В советское время мы всегда могли выставить для общественного признания - достойную замену инициированным музам. Но одновременно могли завалить каждую музу социальным обеспечением так, чтобы разрушить связи со средой, внушить принципы если не партийного, то чистого искусства – «искусства для искусства!» Лева Осинский ведь не зря сразу премию «Апофеоз» организовал, он отлично улавливал тенденции.

- Она – непредсказуемая... нельзя было открыто давать ей понять собственное значение, - зло шипела Окипета. – А ведь это поняла не только она одна. Задача была в том, чтобы от нее отвернулись. А потом пришлось травить всех «оппозиционеров», чтобы привлечь к ним хоть какое-то внимание! У всех пришлось устраивать обыски, на всех пришлось заводить уголовные дела, выгонять с работы, допрашивать в отделах по борьбе с экстремизмом. А она еще нагло интересовалась, почему всех этих уличных бузотеров еще не проверяют в психушке! В результате все, что происходило с ней, - превратилось в общепринятую практику, стало «обычным делом». А все, что раньше высказывала она одна, были вынуждены говорить все, но в более агрессивной и неконструктивной риторике. Ты этого хотел?

- Надо было загрузить ее в университете, надо было позволить ей печататься, но в узком спектре, требовать научной работы, платить, наконец! – продолжал орать старик. – Она же привела свои «расчетки» на заработную плату. Она писало в правоохранительные органы, что ее в университете обворовывают, писала о взятках, помешала вывести огромные деньги с зарплаты преподавателей по мошеннической схеме с недвижимостью университета. При обыске у нее были обнаружены документы, доказывавшие все эти заявления. Но никакого прокурорского реагирования по ним, конечно, не было, зато ей сразу начали за работу платить в девять раз больше, чем она получала раньше! Так неужели она в этом случае не сообразит, что к чему? И на работе в период суда и следствия ее особо нельзя было травить, поскольку какой-то идиот взял показания с ее декана, являвшегося главным свидетелем ее «идейного перерождения», что она постоянно обращалась в правоохранительные органы на его счет. И кто бы в советское время при всей фактуре выпустил этого гаврика на свободе гулять и бороться вместе с прокуратурой с «экстремизмом»? Так раньше мы и с музами не действовали с такой тупой откровенной прямолинейностью. Мы понимали, как бессмысленно ловить музу, в руках окажется только воздух.

- Перестаньте орать! – вдруг резко оборвал их молодой человек. – Вы слышите?

Умолкнувшие гарпия и хозяин квартиры услышали последние отзвуки высокого, почти девичьего смешка, тут же умолкнувшего, как только в кабинете стало тихо.

- Давайте, не будем поддаваться эмоция, иначе окажемся в ее власти, - сумрачно сказал он. – Но вы ведь выходили в ее блог, пытались с ней говорить! Она же не может отступить от основ эпического жанра, предусматривавшего полную искренность!

- Выходил, не отрицаю, - подтвердил старик. Давно имел там аккаунд, еще в старом блоге, который мы уничтожили. Но манипулировать ею невозможно, вы должны понять, что нынче вместо Каллиопы – хитрая изворотливая баба, которая может легко высмеять все, включая собственные благородные порывы. И что она делает с русским языком... это тоже за гранью моего понимания. Она так и пишет, что до нее русский язык умирал. И это соответствовало действительности! Он больше напоминал мертвый язык, зараженный небывалым количеством иностранных заимствований и «новояза».

- А зачем вы за ней следите, - насмешливо поинтересовалась Окипета. – По старой привычке?

- Я и живу по привычке, - проворчал хозяин. – А за ней я слежу, чтобы вся моя предыдущая жизнь не утратила смысл. И мои усилия, наконец-то, начинают ценить, как я вижу. Ждал вас раньше, не тогда, когда вам уж совсем обратиться не к кому.

- Вы мне всегда нравились, - примирительно ответил ему гость. - Раньше партийность в литературе позволяла уничтожить любого и без таких ночных визитов, без «борьбы с экстремизмом». Тихо и надежно. А сейчас сложнее. Надо доказать человеку лично, что все, что он себе насочинял – не имеет смысла.

- И как ты ей это теперь докажешь? – опять начала вскипать Окипета, обращаясь к молодому человеку. - Правильно про нее кто-то на литературном форуме сказал, что она - переформатировывает пространство!

- Так, давайте все же сместим акценты немного ближе к цели нашего визита, - остудил ее пыл молодой человек, усаживаясь в кресло хозяина, как на трон. – Изложите, пожалуйста, основные идеи, которые она декларирует сейчас.

- Да там, собственно, одна идея – это борьба добра и зла, - пробурчал старик. – Она вообще всегда подчеркивает, что бывает много лишь идеологий, но в основе каждой лежит обоснование нелегитимного способа приобретения собственности, которая тебе принадлежать не может. Музы вдохновляют на творчество. Если есть пример, когда человек ничего не создает, не творит, а всего лишь становится частью «класса эффективных собственников», растлевая всех самой возможностью подобного приобретения, то жизнь всех утрачивает смысл, стремиться больше не к чему.

- Она самая опасная, пожалуй, из всех, - вставила словечко Окипета. - У нее странный талант для музы эпической поэзии, она может все превратить в фарс, легко создает образы, рождает какое-то легкое отношение к жизни.

- В ее блоге я всегда выступал с коммунистических позиций, видя, насколько негативно ее окружение воспринимает происходящие «демократические преобразования», - пояснил старик. – И лучше бы не трогал это вовсе, она начала вводить всякие смешные словечки. Например, «марксизм-ленинизм» назвала «карламунизмом», высмеяла и само учение, и его апологетов. У нее был пост «Немного о моем народе», где в нескольких строчках не оставляла камня на камне от вековой пропаганды. После этого поста рухнуло несколько марксистских форумов, а все вокруг «просто ржали», как мило отметила Окипета.

Старик подошел к столу, включил ноутбук и показал несколько закладок своему гостю.

С раннего детства Карлу Марксу очень нравилось глядеть на народ. Подперев щеку рукою, он любил подолгу смотреть, как народ славно работает в поте лица но, зачастую, страдает народным страданием. И как-то сама собою пришла ему мысль, что именно он не должен работать вообще, а страдать — тем более, чтобы придумать для любимого им народа выход из замкнутого круга: поработал, поел, поношался, подрался, поссорился с тещей, пострадал, а с утра опять на работу...

Отчего-то народ в лице именно тех прослоек, которые имели наибольшее количество времени для свободных размышлений о счастье народном, не мог долго выносить

присутствие любопытного Карла Маркса, интересующегося чужими капиталами и рисовавшим повсюду алхимические формулировки «деньги-товар-деньги».

Денег у Карла не было, а товар ему в долг никто не давал. Карл понимал, что народу придется очень плохо без него. Пропадет народ без Маркса, так и не поняв собственных исторических перспектив. Поразмыслив с философской широтой, он понял, что, пока молод, у него тоже есть товар, за который можно выручить неплохие деньги...

- И дальше в таком же русле она сносит все попытки «жить за народ», - пояснил он. – Я, конечно, попытался возражать. Тогда обратилась к римскому праву, доказав несостоятельность всех идеологических течений XIX и XX веков, объяснив, что еще в античности существовали все три вида собственности: частная, общественная и государственная. Я понял, что она запросто снесла всю идеологическую надстройку, создававшуюся годами не только трудом историков, философов, политологов и партийных инструкторов, но и многолетними репрессиями, незаметными обществу, нашими многолетними усилиями. Всех тогда очень поразило одно положение в римском праве, что путь приобретения собственности не может быть нелегитимным, то есть из соображений «классовой борьбы» или, как нынче, - путем вывода капиталов через офшоры. Все вокруг начали на разные лады повторять, что собственность, приобретенная без согласия предыдущего владельца, не может признаваться законной ни одним обществом. Как начал работать ее блог, я уже не знал ни одного спокойного дня, все рушилось вокруг меня так, будто никогда не было непререкаемыми бастионами долгие годы, а являлось всего лишь карточным домиком.

- Блог имел хорошую посещаемость? – спросил гость.

- Еще бы! Показатели статистики мы срезали по аналитике поисковиков, но зрелище было настолько завораживающим, что там зависали все, включая клерков администрации президента. Попытались клонами хоть как-то привести этот процесс уничтожения стереотипов, действительно мешавших людям жить своей жизнью. После ее издевки никто уже не мог пользоваться стереотипом о «необходимости» создания «класса эффективных собственников». Проснувшаяся Клио тут же рассказала об олигархических диктатурах Спарты... А почти все посетители ее блога были детьми и внуками тех, кто защищал достоинство Родины в минувшую войну, они моментально откликнулись на ее доводы.

- Ты не забывай, что до того, как привилегированным классом у них были объявлены те, кто присвоил государственную собственность в особо крупных размерах, раньше у них «авангардом всего общества» был рабочий класс, - вклинулась в рассказ старика Окипета. – Писателем официально становились только те, кто прошел «школу жизни» в качестве рабочих. И очень не хотели обратно вставать в «авангард». А она ведь в советское время стала кандидатом технических наук, потом ей каждый год давали новые дисциплины, не позволяя защитить докторскую, не давая возможности реализоваться в профессии. А когда рухнул СССР, она освоила бухгалтерский учет, начала получать юридическое образование, некоторое время поработав в милиции... Короче, из нее будто нарочно делали Каллиопу!

- Нет, это так получилось «нарочно», - возразил старик. – Она не должна была писать, ведь у нее еще и семейные заботы. Я подозреваю, что все это стало подготовкой к ее творчеству только потому, что мы проглядели ее инициацию в советский период. Да и никто не придал тогда особого значения показаниям некоего школьника, вызвавшего гарпию в класс. Мы же ничего не знали тогда о перемещениях Эвриале.

- Даже я моментально находила внутри себя ее аргументы, когда его клоны глуповато возражали, что всем надо «простить приватизацию», раз все равно она не ихняя частная собственность, - вспомнила Окипета. – Каллиопа как-то сказала, что есть вещи, которые не могут находиться в частной

собственности, т.к. срок их службы превышает средний срок существования предприятий, частной инициативы. Она легко оперировала элементами системного анализа.

- Каллиопа вела со мной царственно и почти любезно, - продолжал старик. – Это, пожалуй, больше всего в ней раздражало. Потом ко мне подключилась вторая, Клио, как только начала просыпаться. Она несколько не скрывала, что ненавидит меня. Ведь она как бы «восстанавливала связь времен», говорила от имени исторической справедливости. Я понял немного раньше, кто она такая, это ведь женщины, они не слишком верят в себя. Но она внезапно напомнила мне про старуху и ее каменю... Будто тоже была там!

- Кроме прочего, меня интересуют их часы, сказал гость. – Что вы о них знаете?

- Об этом знаю немного, - признался старик. - Часы у старшей горгоны Сфейно, которую еще называют «могучей». Взять ее пытались неоднократно. В романе «Мастер и Маргарита» по сюжету милиция врывается в квартиру, где слышатся голоса, чертовщина всякая. А далее огромный кот устраивает пожар из примуса. Все как бы смешно и художественно. Литература – вещь крайне идиотская, там вещи, которые сразу воспринимаются «буйством фантазии автора», как правило, имеют вполне реальную основу. И никто не может понять, отчего же какая-то особая вера всей этой ерунде? Возникает какая-то другая система, где воспринимаются правдой то, чего не было, а вот про что думаешь, будто этого быть не могло – является правдой. Все это так спрессовывается, что начинает перевешивать реальность, достраивается самостоятельно. И надо учитывать, что реальность зачастую пытаются творить люди... гм... не самые умные, далеко не всем интересные. Всю жизнь прикрывал тылы людям, которые вообще не были никому интересны. Столько усилий потрачено, чтобы они элементарно выглядели прилично... и зачем? Никто их не помнит, как не запомнит и нынешних...

- Вас куда-то не туда понесло! – оборвала его Окипета. – Вы опять попали под ее влияние! Так и сказали бы, что не знаете, где часы сейчас, после того, как выгорела квартира Сфейно. Сирены говорили, что часы у твоей милашки Эвриале. Но ведь как только ты ими заинтересуешься, туда явится Сфейно и опять устроит пожар, как этот литературный кот с примусом.

- Как вы думаете, старшие музы уже собрались в круг? – задумчиво спросил гость.

- Если еще не собрались, то очень скоро обернутся, - утвердительно ответил старик. – Перед этим они непременно встретятся в реале, в Интернете это не действует, нужен физический контакт и по древним обычаям – непременно общая трапеза. Даже горгоны, которые могут вдохнуть сущность музы в кого угодно - одним щелчком ногтя по флакону, всегда устраивают небольшое застолье в честь новой музы. Как рассказывали моему отцу «любимцы Каллиопы», у них на такой случай заготовлены яства с королевских столов разных эпох. Одного угощали каплунами со свадебного ужина Марии-Антуанетты.

- А как это происходит? – с живым интересом спросил молодой человек.

- Там достаточно прикосновения руки, какой-то обмен дарами, всякая ерунда, с нашей точки зрения, - пояснил старик. - И, как мне рассказывали, какая-нибудь настойка. Если учесть, что Клио, живущая на Украине, как бы у истоков всей российской истории, непременно ташит с собой сало и украинскую горилку, то и сомневаться не приходится, что на такую «пищу богов» соберутся все эти нынешние музы.

- Да уж, - проворчала Окипета. – Нынче будто все сделано нарочно, чтобы спелись четыре старшие сестры. Пятая у них Эрато – она в середине, раньше от нее многое зависело. Но сейчас между нею и сестрами лежит слишком явная пропасть, а она самая ненадежная. Вряд ли нынче все будет зависеть от нее.

- Четыре младшие сестры, насколько я понял, уже собрались и хорошо друг друга знают, причем, без помощи Эрато, - согласился с ней старик. – Мы все же действовали тоньше, аккуратнее. А нынче все наши отделы уничтожили! Все занимаются приватизацией и «пенсионным обеспечением». Считают, что с этими поганками справятся прокуратура, суды и следственные отделы в рамках «борьбы с экстремизмом». А те дров наломают, только хуже делают.

Он с тяжелым вздохом начал вспоминать свою работу в прежнем огромном отделе хтонических религий, то есть тех, где люди называли вещи своими именами, еще не начав придавать своим верованиям цивилизованный вид космогонических мифов. Собираясь вместе музам не давали в точности так же, как преследовали любое проявление «реакционного шаманизма». Хотя, казалось бы, в условиях торжества «научного атеизма», бороться с шаманами абсолютно недоразвитых религий - было довольно нелепо. Ведь это даже не буддизм, а уж тем более – не античное язычество. Но открыто бороться с музами считалось идеологически неправильным, ведь основным курсом КПСС было «полноценное и всестороннее развитие каждого».

Если основными функциями шаманов было лечение больных, предсказание будущего и розыск пропавших людей и вещей, то не хотелось и задумываться, о чем могут камлать музы, собравшиеся в круг. Но, на всякий случай, все сотрудники отдела античной мифологии изучали шаманские практики, понимая, что имеют дело с более древними ритуалами, предшествовавшими возникновению античных мифов. Само слово «камлание» происходило от тюркского kam – колдун, знахарь, прорицатель. В древнейшем памятнике тюркской письменности, в уйгурской поэме «Кутадгу билиг» («Наука о том, как быть счастливым»), написанной придворным кашгарского двора Караханидов Юсуфом Баласагунским в 1069-1070 годах, среди иных дидактических бейтов имеется и следующее поучение:

*Есть много знахарей,
Которые исцеляют болезнь ветра,
К ним, господин, ты должен обратиться,
Заговоры помогают от болезни;
Но если тебя будет лечить кам,
Ты должен, господин, полностью ему верить,
Врач «отчи» не любит его речи,
Он отходит от мукасима.*

Арабское слово мукасим буквально означало «тот, кто дает клятвы», «заклинатель». В поэме Юсуфа Баласагунского оно синонимично тюркскому kam. В другом месте поэмы давался совет «Или держись врача, или кама». И подразумевалось не только врачевание тела, но, прежде всего, души.

В вышедшем в 1303 году списке слов тюркского племени команов «Codex Cumanicus», составленном каким-то итальянцем, изучавшем переселившиеся в конце XII века из Северного Причерноморья в Венгрию племена, – слово Incantatrix (ведьма) передано как kam katun kisi dir. То есть впервые прозвучало нечто вроде женщина-заклинательница, женщина-кам. И подчеркивалось именно женское начало в самой технике создания заклятия, а слово Adiuino (я совершаю заклинание) – переводилось как kamlik etermen (я совершаю дело кама), то есть шаманю. Слово kamlik в среде алтайских тюрков и значит колдовать, шаманить, иначе – камлать. Уже тогда отмечалось, что шаману помогают духи, но имеющие некую женскую сущность. Там же эти духи называются «сестрами». В советское время это считалось пережитком матриархата.

Мало того, что литература – нечто вроде магии. Ведь в хорошую книжку погружаешься, как в иной мир, от нее невозможно оторваться. Если книжка несет в себе отклик настоящего kamlik, то в результате не только замыкалась эстетическая триада по созданию художественного образа, но в чем-то любой читатель, иначе глядевший на мир, сам мог влиять на свою жизнь, на события. Читатели в результате контакта с этой опасной разновидностью kamlik, обретали точку опоры внутри себя, начиная менять мир вокруг себя.

Для первобытного общественного уклада сущность камлания заключалась в общении с духами ради достижения прагматических целей самим шаманом или заказчиком камлания, которым мог выступать и отдельный человек, и род, и целая община. Цель камлания – свободное перемещение шамана в небесных, подземных или земных сферах, то есть там, где

обитают необходимые для выполнения задачи данного камлания духи. Задачи же камлания сводились к встрече с высшими небесными духами и сообщить им о нуждах общины. На встрече с духами вод и лесов шаман должен был их убедить оказать покровительство в исходе благоприятной охоты и рыбной ловли, а позднее – помочь в земледелии и скотоводстве. Частных заказчиков интересовали проблемы со здоровьем, возможности исцеления больного человека. Часто требовалось проводить душу умершего в потусторонний мир и предотвратить его возвращение «в страну живых». Многие просили защиты от нападений зловредных духов, особенно на детей.

Сам же шаман при каждом таком походе «на ту сторону» расширял свои знания и представления, начинал «видеть» намного больше. Поэтому все разнообразные и многочисленные задачи камланий, в сущности, сводились к двум: взять нечто в мире духов и передать людям, или взять нечто в мире людей – и передать духам. И люди нисколько не возражали, когда из мира духов приходило то, чего они точно не заказывали, но что всегда украшало их жизнь. Иначе, как объяснить появление наскальной живописи, не имевшей никакого практического смысла? Ведь ей нельзя было украсить даже собственное жилище. Несмотря на то, что в мире было написано гигантское количество статей и монографий о шаманизме, все-таки было недостаточно ясно даже сами критерии отнесения того или иного религиозного феномена к шаманизму, не говоря уж о том, что же можно безусловно отнести к настоящему искусству.

Как многие считали одного шамана великим, а другие с ним не соглашались, - так и искусство оставляло большой простор оценочным суждениям, будто намеренно предоставляя полную свободу выбора. В конце концов, выяснилось, что к искусству можно относить лишь то, что хоть на йоту меняет этот мир к лучшему, в отличие от черной магии, к которой склонялись многие шаманы. В отличие от шаманизма, как религиозной практики, к послевоенному времени начали концептуально отделять взаимодействие с музами, воздействовавшими на лучшие стороны человеческой души.

Старик нисколько не жалел, что почти весь советский период «отсиживался» в своем «античном отделе», далеко от очередных званий и наград. Ему казалось, что как раз он

лучше понимает происходящее, глядя на него сквозь призму древних преданий. Жизнь вокруг него будто затягивалась льдом, а от отношений с сослуживцами, пытавшимися перестроиться согласно изменившимся условиям, предавая все старые принципы и устои, все больше веяло холодом. Все чаще стали звучать знакомые слова: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?», «От нас ничего не зависит!», «Народ – стадо дебилов! Народ сам этого захотел!» И старик радовался, что в «развитом социализме» занимался тем, что могло ему весьма пригодиться и в «недоразвитом капитализме».

Глядя, как возле него бывшие сослуживцы с легкостью предавали свои прежние убеждения, не замечая, что предаются с ними и самих себя, он частенько твердил себе строчки Валерия Брюсова из его стихотворного обращения к музе:

*Я изменял и многому, и многим,
Я покидал в час битвы знамена,
Но день за днём твоим веленьем строгим
Душа была верна.
Заслышав зов, ласкательный и властный,
Я труд бросал, вставал с одра, больной,
Я отрывал уста от ласки страстной,
Чтоб снова быть с тобой.
В тиши полей, под нежный шепот нивы,
Овеян тенью тучек золотых,
Я каждый трепет, каждый вздох счастливый
Вместить стремился в стих.
Во тьме желаний, в муке сладострастья,
Вверяя жизнь безумью и судьбе,
Я помнил, помнил, что вдыхаю счастье,
Чтоб рассказать тебе!
Когда стояла смерть, в одежде чёрной,
У ложа той, с кем слиты все мечты,
Сквозь скорбь и ужас я ловил упорно
Все миги, все черты.
Измучен долгим искусом страданий,
Лаская пальцами тугой курок,
Я счастлив был, что из своих признаний
Тебе сплету венок.
Не знаю, жить мне много или мало,
Иду я к свету иль во мрак ночной, -
Душа тебе быть верной не устала,
Тебе, тебе одной!*

Брюсов В.Я. «Поэт – музе»

Он слишком хорошо знал, что во всех временах среди людей рождаются чудики, не только легко осваивавшие архаические техники экстаза, но и сами становившиеся своеобразным экзистенциальным феноменом. Вновь и вновь он удивлялся античному язычеству, не только бережно нашедшему место всем старым богам, но и органично включившему в себя трансперсональные моменты более ранних форм религии. Как ни странно, это делало новую религию более достоверной, а использование и космогоническое объяснение индивидуального и экстатического опыта глубинных переживаний как «муза снизошла» - делало античные мифы своеобразным эстетическим и нравственным посланием всему человечеству.

Еще в советское время сослуживцы посмеивались над его шутивным утверждением, что сам Предводитель гарпий, Бог всех «идеологий» и цивилизованных «обоснований» завладения

чужой собственностью – непременно его посетит, рано или поздно. Он не считал нужным кому-то рассказывать о камее, позволявшей видеть в бурях, разметывавших вокруг человеческие жизни, - черные крылья гарпий, внимать пению сирен и безошибочно угадывать любое движение проснувшейся музыки.

Он видел, что шаманизм, основанный лишь на стихийном и неосознанном психотехническом опыте, не усиленный более поздними религиозными представлениями, которые сами по себе являлись произведением искусства и служили поводом для создания новых шедевров, - неизменно приходил к упадку или перерождался в очередную разновидность ложного культа или черной магии. Но все понятия, заложенные в древних культах сестер, стремящихся сделать мир лучше, а человеческую душу – выше и чище, - нисколько не утрачивали своей актуальности.

Постепенно он с легкостью отделял в мифах камуфлирующую оболочку художественного вымысла от сути, понимая, что многое говорилось в преданиях именно так, чтобы не гневить тех, кто и по сей день значил в человеческой жизни намного больше «вечно живых» «классиков марксизма-ленинизма». Ему показалось, что предания намеренно льстили Гермесу, провозглашая его «самым молодым богом». Объявляя его «вестником богов», они шли к шаманам в Дельфы, называя их оракулами. Предпочитая услышать волю богов без приземленных разъяснений Гермеса.

Люди точно и раньше сталкивались с этим психопомпом, провожавшим души умерших на тот свет. Ведь многие шаманы, борющиеся со смертью возле постели больного, говорили, что сражаются за душу вовсе не с женщиной, а с пленительно прекрасным юношей с удивительно холодными руками. Старик неоднократно встречал свидетельства, что, увидев у изголовья больного не женщин-сирен, а этого юношу, шаманы наотрез отказывались камлать.

Он все с большим нетерпением ждал, когда сможет встретиться с ним лично. И любопытство его настолько велико, что он даже не допускал мысли, что встреча эта может стать для него роковой. А с возрастом, после череды бессмысленных «реформ», принесших лишь разрушение и смерть на черных крыльях, он и вовсе перестал бояться, а, возможно, просто забыл о страхе.

Интересно, что и в буддистских наставлениях шаманам тщательно подчеркивалась мысль, что подобная психотехника есть средство постижения истины, освобождения, спасения или самореализации: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». Шамана заранее предупреждали о необходимости руководствоваться в камлании самыми высокими нравственными задачами – под леденящим страхом навсегда утратить собственную душу.

Позднее старик столкнулся с аналогичными представлениями даосизма, утверждавшими, что в ходе камланий можно достичь состояния просветления, приближающего к сонму богов. Наиболее точно это подметил японский ученый Идзуцу Тосихико в статье «Мифопоэтическое „эго“ в шаманизме и даосизме»: для шамана существует разрыв между его могуществом, обретенным в трансе, - и его состоянием в обыденной жизни, тогда как для даоса и то и другое едино и неразделимо. Здесь необходима особая вера в собственные силы, а так же непереносимое создание круга единомышленников. Потому поэт-шаман Цюй Юань (III в. до н. э.), утративший веру в себя, оказавшись в изгнании и одиночестве, - кончает жизнь самоубийством в водах реки Мило. А лирический герой оды «Дальнее странствие» («Юань ю») наслаждается созерцанием истока всего сущего, венчающим его как живое воплощение божественного творческого начала.

От внимания старика не ускользнуло, что шаманы всегда представляли собой интеллектуальную элиту своих народов и, как правило, выступали хранителями национальной культуры и традиций, фольклора и эпоса, то есть своеобразного «культурного кода» своего народа.

Шаманская деятельность представляла собой служение, причем, абсолютно бескорыстное, как это обычно происходило и у старших муз. Но и младшие музы, посвящая себя сложным классическим искусствам, вряд ли получали оплату, адекватную вложенному труду,

вдохновению и подвижничеству. Опера и балет требуют ежедневной упорной работы с раннего детства, поэтому для младших муз являются и способом заработка хлеба насущного. Шаман, как и любой, предназначенный стать музой, вызывал спорные впечатления, с детства выбиваясь из толпы какими-то необыкновенными качествами и способностями. Затем шаман проходит через болезнь и исцелялся сам, выходит из болезни обновленным и просветленным. Насколько старик мог судить по имевшимся у него данным, у муз такого нет. Но как для шаманов, так и для муз - инициация являлась методом самораскрытия личности и индивидуальных способностей.

Старик изучил множество различных типов шаманских инициаций, но все они неизменно включали в себя элементы переживания смерти, очищения и последующего воскресения. Один сибирский шаман рассказывал ему, что в инициации как бы умирает «ветхий человек» и воскресает обновленная и укрепленная личность «нового человека», не испорченного искушениями цивилизации. По существу, это видение сродни библейскому пророческому обновлению, прекрасно прочувствованному и описанному Пушкиным в стихотворении «Пророк»:

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
"Восстань, пророк, и виждь, и внемли.
Исполнишь волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!"*

Как и в шаманской инициации, божественному избраннику высший дух отвергает очи духовного видения, уши духовного слышания, заменяет «празднословный и лукавый язык» «жалом мудрых змей» и, наконец, заменяет «сердце трепетное» на «уголь, пылающий огнем». , Человек, прошедший через смерть, приходит к новой, высшей жизни и приступает к выполнению своей пророческой миссии.

- Музы заранее предназначаются для составления круга, - сказал вслух старик. – У древнегреческого поэта Авсония на самом деле описывается ритуал их камлания, где каждая выполняет свою роль. Каллиопа своеобразным эпосом описывает все, что увидела и услышала на своем веку, Клио тут же по ходу дает свой «урок истории». Что-то мне подсказывает, что в первом своем эпосе Каллиопа должна подать горгонам особый знак. В любом случае, музами при ней станут те, кого она упомянет в своем эпосе, ничего о них не зная. Урания связывает их со светилами, но в то же время поможет ощутить более твердую почву под ногами. Эвтерпа должна всех привести к «сладким песням», то есть к младшим музам, среди которых главная – Мельпомена. Авсоний вскользь упоминает Эрато, а вот какова в круге роль Эрато... лично я установить не смог. Но не думаю, будто кто-то приписывал большое значение ее «слову и жесту». Поэтому делать ставки на Эрато я бы не стал. А то, что Сфейно дала ей свои часы, так это лишь подтверждает, что и горгоны смотря на Эрато – как на мальчика «принеси-подай».

*Терпсихора кифарой влечет, бурей чувства владея,
С плектром в руке Эрато чарует и словом, и жестом...*

Старик увидел, как Окипета насмешливо посмотрела на сосредоточенно слушавшего его Гермеса. Что-то в его лице испугало старика, поэтому он монотонно продолжил рассказывать все, что сам знал о культе муз, стараясь не обращать внимания на гнетущую мрачность гостя. Многие народы считали, что посвящаемый шаман остается «умершим» в течение трех дней после появления его духа-покровителя, причем многие находятся в бессознательном состоянии. У инициированных муз инициация происходила немного иначе, они могли долгие годы «спать наяву», находясь в весьма уязвимом состоянии. А сразу после «пробуждения» музы проходили некие испытания собственной силой, о которых старику удалось узнать крайне мало. Это было нечто вроде проверки: не злоупотребит ли новая муза своей силой?

В шаманизме тоже был похожий момент. Пережив смерть и воскресение, новый шаман проходил ритуал наделения силами и получал власть над духами-помощниками. После этого он обычно переходил к другому учителю, так как каждый шаман считался специалистом только в одной конкретной технике. В результате, новый шаман собирал целый сонм духов-помощников. Нечто аналогичное происходило и в объединении муз, каждая из которых олицетворяла собой отдельные духовные стремления человека.

- У новой Каллиопы есть очень опасная черта, - задумчиво сказал он, вынимая из письменного стола небольшой пластиковый конверт с газетными вырезками и изъятыми из дела протоколами допросов. – Могут начать срабатывать всякие гнусные инсинуации, которые она раньше в своих сказочках писала. В принципе, к ней сунулись вовремя, в самое темное время года. Но и надо было сосредоточиться исключительно на ней! Надо было до зимнего солнцестояния загнать ее в петлю! А ведь у наших садистов подход простой, вначале они ей прислали вызовы на допрос ее младшей несовершеннолетней дочери и восьмимесячной внучки!

На его замечание гость искренне рассмеялся, обнажив удивительно ровные и слишком крупные зубы, старик на секунду даже задумался, как они помещаются у него внутри, но с легкостью отогнал эту неуместную мысль. Окипета лишь презрительно фыркнула на замечание старика.

- Они зря дали ей сразу понять, что основной удар будет не по ней, а по самым незащищенным, - осуждающе заметил он, надевая на нос щегольское пенсне. – Я же не говорю, что им не стоило этого делать вообще, но надо было создать тягостную атмосферу

ожидания. А они при обыске сразу потащили ее несовершеннолетнюю дочь на допрос, дав ей возможность собраться с мыслями. А мать в таких случаях никого не щадит.

- А внучку-то ее они допросили? – с веселыми искорками в глазах поинтересовался гость.

- А разве вам Аэлло не сказала, что старшая дочь с внучкой у нее живут за границей, хоть и прописаны в ее квартире? – одернул его старик. – У нее была сказочка, где одна писательница сочиняет новый бестселлер о том, как банда черный риэлторов вместе с нотариусами завладевает недвижимостью стариков и продает их квартиры. И еще до обыска мне пришлось разбираться с этим.

- А сами-то вы зачем ей звонили? – по-прежнему весело спросил красавец, принимая от старика конверт с документами.

- Ну... мне в голову не приходило, как это может обернуться, - несколько смущенно признался хозяин кабинета, нисколько не удивляясь осведомленности гостя. – Думал, что ей пришел конец, не мог не выяснить некоторых вопросов... Хотя бы попытаться! Но она поняла, что я вовсе не «ее давний поклонник Александр из Санкт-Петербурга», как я ей представился. Мне показалось, что она полностью уничтожена, не смог скрыть своего торжества.

- А..а! Тоже любите... добить, да? – съехидничал гость, вынимая из папки переданные стариком документы. – Что-то вроде горбушки хлеба в руку умирающей блокадницы, верно? Последние слова он адресовал Окипете, чистившей перья у изразцовой печки в углу комнаты, но она даже не посмотрела в его сторону.

В пластиковом конверте старик держал те документы, которые ему передали практически сразу после его звонка Каллиопе с просьбой как-то помочь своему бывшему сослуживцу, вышедшему в запас в звании генерал-полковника. После ликвидации и расформирования их прежнего отдела по идеологии, занимавшегося на самом деле возможными воплощениями муз и прочими мифическими заморочками, он занимал теплое и хлебное место командующего Железнодорожными войсками России. Потом железные дороги реформировали в акционерное общество с единственным учредителем в виде самой России, и его приятель ушел на заслуженный отдых с полным боекомплект в виде квартир, дач, загородных домов и двух зарубежных счетов в самых надежных банках. Невозможно было даже представить, что первый звонок поступил от этого счастливица, которому все бывшие сослуживцы слегка завидовали.

Правда, после того, как генерал-полковник ушел в отставку, на его ближайших сподвижников была возбуждена серия уголовных дел. В частности, бывший начальник управления кадров Железнодорожных войск России был признан виновным в мошенничестве и осужден на пять лет колонии. А непосредственный заместитель командующего Железнодорожными войсками генерал-лейтенант Ванюшин за аналогичные преступления получил шесть лет тюрьмы. Ванюшина старик помнил в связи с одним потешным случаем. Однажды туманным утром после празднования именин командующего в одном загородном элитном клубе, генерал-лейтенант подал в милицию заявление о краже у него золотого телефона Vertu стоимостью свыше \$10 тыс. Поэтому старик не удивился, что Ванюшина посадили вместе с кадровиком, поскольку этот случай его не только позабавил, но и вызвал легкую досаду. Именно такие любители «жить на широкую ногу» и дискредитировали всех своих коллег, привлекая к ним ненужное внимание.

Старику позвонили, когда сын бывшего командующего Железнодорожными войсками России, получивший, конечно, юридическое образование, отлично устроенный в жизни в собственной нотариальной конторе столицы, - уже заключил сделку с правосудием и дал показания о множественных подделках завещаний, договоров ренты и купли-продажи недвижимости. И речь шла не об очередной мелкой афере в нотариальной сфере, каких числилось за каждым нотариусом, а о незаконной смене собственников более чем ста объектов. Прочитав о «незаконной смене собственников», старик даже поморщился от зубной боли, поняв, что таким неожиданным и совершенно нелепым образом «заработала» и их дискуссия с Каллиопой о римском праве.

Почти сразу после обыска в далекой провинции, в правоохранительные органы столицы обратились родственники 81-летней женщины. Они с удивлением обнаружили, что при помощи непонятно откуда взявшихся документов у квартиры пенсионерки появились новые собственники, а вскоре она и вовсе загадочно исчезла. По данному факту были возбуждены дела по статьям УК РФ 159 (мошенничество) и 105 (убийство). Оперативники выяснили, что документы о смене собственника были заверены у одного столичного нотариуса, которым оказался сын его бывшего сослуживца Вовочка. Изучив деятельность его деятельность, представители правоохранительных органов тут же вышли на след настоящей нотариальной мафии, от действий которой страдали как одинокие граждане, так и люди, имевшие семьи. Соблазн срубить палки по 28 «глухарям» был настолько велик, что делу был дан ход, хотя сразу же выяснилось, что информацию о появлении потенциальной жертвы участники группировки получали не только от работников Центров социального обслуживания столицы, представители которого ухаживали за пенсионерами, одинокими людьми, инвалидами, но и от сотрудников милиции. Обыск в нотариальной конторе Вовочки сразу дал всю фактуру по 70-ти с лишним случаям составления поддельных завещаний, доверенностей, договоров купли-продажи. А еще о двух десятках таких случаях признался сам Вовочка на допросе, размазывая слезы, обидевшись, когда следователи не разрешили ему позвонить папе.

Преступные схема завладения чужой недвижимостью были простыми и изящными. После сбора нужных сведений о «клиентах», к работе подключался Вовочка, сбивший банду из друзей своего личного тренера по фитнесу, бывшего неоднократного призера международных соревнований по восточным единоборствам. Вовочка с легкостью заверял фальшивые доверенности от имени жертв на право продажи квартир, при помощи которых и менялся собственник. В большинстве случаев после его очередной аферы пенсионеры и инвалиды просто исчезали. Вовочка со смехом называл этот неприятный в целом процесс – «аннигиляцией».

В редких случаях старики успевали умереть сами до назначенной им «аннигиляции», о чем в контору Вовочки немедленно сообщали представители Центра социального обслуживания. Вовочка тут же регистрировал поддельные завещания на недвижимость, а также фиктивные договоры аренды – будто владелец жилья передал право собственности на недвижимость его

заказчикам, который взялся за ним ухаживать. И далее начиналась чистая комедия, которую предвкушали все, включая социальных работников. Бедные родственники ушедшего в мир иной пенсионера, явившись к Вовочке оформлять наследство, вдруг выясняли, что он перед кончиной успел заключить договор ренты с крупным олигархом или криминальным авторитетом.

Даже судьи не могли удержаться от смеха, представляя, как солидные люди в роскошных костюмах и брендовых часах, с золотыми печатками, украшенными бриллиантами, - бегали для пенсионеров в булочную и выносили им горшки, пока их родственники парились на работе, пытаясь свести концы с концами. Жертвы Вовочкиных «аннигиляций», пытаясь оспаривать все это документы в судах разных инстанций, неизменно проиграли, однако внося в рутинную жизнь судей и приставов юмористическую нотку. Процессы длились годами, новые собственники недвижимости приносили заверенные все тем же Вовочкой, копии или дубликаты завещаний, договоров и множество документов, а сами родственники неизменно выясняли, что не могут доказать, будто вообще имеют какое-то отношение к покойным. Как правило, у них исчезали свидетельства о рождении и даже семейные фотографии. Фирменным почерком Вовочкиных «разработок» были свидетельские показания участковых врачей и социальных работников, доказывавших в суде, что ни разу не видели мнимых родственников, а покойный пациент никогда о них не упоминал. Зато они хорошо помнили о помощи, оказываемой в уходе новым владельцем недвижимости. Некоторых истцов после таких представлений приходилось увозить с судебных заседаний на «неотложке».

С понятной ностальгией по прошлому старик вспоминал те времена, когда они всем отделом выезжали на дачу его отца на шашлыки. И кто бы мог увидеть «черного нотариуса» в обаятельном краснощеком пацане, с упоением катавшемся на трехколесном велосипеде. За ним приглядывала бабушка, мать Вовочкиного папы, милая интеллигентная старушка, обучавшая всех их детей французскому. И что же в ней было такого, чтобы Вовочка с невиданной жестокостью принялся «аннигилировать» всех одиноких старух внутри Садового кольца?..

Аналогичные услуги Вова оказывал и рейдерам, пытавшимся захватить то или иное здание в центре столицы, оформляя от имени потенциальных жертв доверенности, договоры купли-продажи пакетов акций фирм, которым принадлежали объекты недвижимости. По словам знакомых оперативников, в незаконном бизнесе, который процветал с самого начала «нулевых» годов, принимали участие чиновники разного ранга, судьи, сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, другие нотариусы... И слушая этот длинный перечень, старик тоскливо ежился, понимая, что все эти люди могли познакомиться друг с другом лишь за щедрым застольем хлебосольного отца Вовочки, всегда славившегося мощным аналитическим аппаратом и стратегическим мышлением.

Глядя на старинный зеркальный трельяж, в котором отражались матовые плафоны светильников из горного хрусталя с ручной инкрустацией, которые его папа изъял при обыске у одной бывшей балерины императорского Мариининского театра, он впервые тогда примирился с отъездом собственного сына за океан, порадовавшись, что ничем не смог ему помочь в жизни. Узнав о решении сына, он не стал «давить ему на совесть», напоминая, что в достаточно преклонном возрасте остается один в квартире, набитой антиквариатом. И неизвестно, чем это может закончиться для него, если о его дорогих вещах, которые он собирал всю жизнь, продолжив дело отца, - узнают «серьезные люди», еще даже не предполагая, что одним из таких «серьезных людей» окажется сопливый Вовочка, гудевший на своем трехколесном велосипеде. Он видел, как болезненно и остро сын реагирует на любое его предложение о помощи, понимая, что он никогда не возьмет на память о нем из квартиры ни одну вещь. Но больше всего старик опасался одной горькой мысли, которую всегда старался не допускать до себя и не додумывать до ее логического завершения. Глядя, как сын бережно упаковывает старые коньки-«канадки», подаренные покойной матерью, он подумал, что его повзрослевший мальчик не станет переживать по этим вещам и пятикомнатной квартире, если и его отца когда-нибудь «аннигилируют» коллеги Вовочки.

Все попытки получить от Вовочки оригиналы или выписки из нотариальных книг заканчивались ничем. Вначале Вовочка вообще игнорировал запросы пострадавших и судов, потом присылал отписки, а потом известил суды, что из его офиса на Новом Арбате неизвестные украли абсолютно все документы: реестры, алфавитные книги завещаний, сами завещания и прочее, так что предоставить оригиналы документов и выписки нотариус не может.

Старик выяснил, что суд избрал Вовочке меру пресечения в виде ареста, как только Каллиопа получила повестку о вызове на допрос своей восьмимесячной внучки. Сразу после их телефонного разговора и его воспоминаний о давнем разговоре о римском праве, Вовочке предъявили обвинения по части 4 статьи 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере) и лишили права заниматься нотариальной деятельностью. После того, как Каллиопа поняла, что следователи решили «заняться» ее несовершеннолетней дочерью, решив заставить ее свидетельствовать против матери, Вовочка заключил сделку со следствием и показал следы «аннигиляции» на незаконных свалках бытовых отходов области.

Попытавшийся «перекрыть кран» старик, никак не мог избавиться от тревожившего его чувства дежавю, будто эту историю он не только читал в сказочке Каллиопы, но даже встречал в обсуждения письма, которое она вместе с читателя писала в Конституционный суд по поводу незаконной, по ее мнению, приватизации железных дорог России. В сущности, именно папа Вовочки должен был предотвратить весь этот фарс с учреждением акционерного общества от имени России, но у него в этот момент были свои, более насущные планы и задачи. Он определенно встречал в ленте комментариев угрозу Каллиопы, что «все они ответят за это шаг своими детьми, раз решили обобщить не только живых, но и мертвых и еще неродившихся».

Однако никто с Вовочкой и в таких обстоятельствах не стремился «сводить счеты». В СИЗО ему организовали сносные условия, на допросы привозили в отдел даже без наручников. Прямо в кабинете следователей его кормили обедом, а потом ужином, доставляемыми из ресторана высокой европейской кухни. С ним явно не знали, что делать, а он не собирался облегчать задачу следователям, спокойно сообщая все, о чем они интересовались по долгу службы. Его отец не стал тратить на адвоката, послав в следственный отдел старика с денежным кейсом.

И старик впервые тогда отметил уклончивое замечание начальника следственного отдела, занимавшегося делом Вовочки, что где-то за месяц до всех этих событий ему приснился сон, будто он читает какую-то книгу. И там уже было описание всех эпизодов преступной деятельности мальчика Вовы, были подробно перечислены все нехитрые способы и приемы составления поддельных завещаний и доверенностей. И когда сам Вовочка под протокол рассказывал обо всем, назвав всех своих сообщников, включая тех, кого ему точно не стоило называть, начальник СО не мог избавиться от навязчивого чувства дежавю.

Он показал старику список судей и чиновников разного ранга, сотрудников милиции, адвокатов, некоторые из которых уже были заключены под стражу, а другие томились на свободе, ожидая ареста. Старик, впервые понимая, что обстоятельства намного сильнее его, отдал начальнику кейс отца Вовочки и, с внезапно навалившейся на него усталостью, прошептал, прикрыв отяжелевшие веки: «Кончайте!»

Вечером того же дня в машину, на которой сытого и довольного жизнью Вовочку с допроса доставляли в СИЗО, на них на большой скорости буквально налетел КамАЗ. Как сообщили СМИ об этой «трагической случайности», водитель «КамАЗа» не справился с управлением, слишком поздно заметив ехавшую впереди «легковушку» и не успев затормозить. В результате аварии все пассажиры погибли на месте.

- Так вы хотите сказать, будто все здесь написанное случилось только потому, что Каллиопе объявили войну и затронули ее младшую дочь и внучку? – задумчиво уточнил красавец в белом костюме, возвращая папку. Старик слишком поспешно протянул руку, на какую-то долю секунды коснувшись руки гостя. Он ощутил такой леденящий холод, что у него содрогнулась душа, и он чуть не выронил злополучную папку.

- Нет, я хочу сказать, что... ну, вы же сами понимаете! – растерянно ответил он. – Вы же понимаете, что никто бы не стал заводить дело по поводу пропажи полоумной старухи восьмидесяти лет. А все эти рисованные завещания и доверенности давно стали обычным делом. А сейчас у меня все прикормленные нотариусы делают вид, будто знать меня не знают, видят впервые и абсолютно не понимают, о чем я им намекаю.

- Ах, вот вы о чем! – догадался незнакомец. – Но это дело поправимое, такие вещи наша контора делает намного надежнее, тут и беспокоиться не о чем. Лучше скажите, какие, к примеру, лично у меня гарантии, что вы абсолютно искренне со мной и не передумаете прекратить все эти безобразия, проистекающие от нашей общей знакомой?

- Какие гарантии? – переспросил старик, начиная догадываться, что это не только деловое предложение, но и нескрываемая угроза. – Мне поздно меняться. Хотя... некоторые меняются именно на пороге... вечности. Но она всегда у меня вызывала раздражение непредсказуемостью, этим своим фарсом, умением перевернуть все слова... Даже не этим! Вы полагаете, легко ощущать себя с ней каким-то щенком, с которым играют? Я с ней – «никто и звать никак», как это она заявляла не мне одному.

- Все же этого... недостаточно, - с сомнением проговорил молодой человек и особым движением щелкнул пальцами так, что у старика похолодела и начала саднить рука, которой он прикоснулся к ладони гостя.

- Вы меня в чем-то подозреваете, что ли? – постарался он не выдать голосом своего страха. – Я сделал все, что в моих силах! И продолжаю делать, несмотря на трудности. А подмоги мне ждать неоткуда. Между тем, подчеркну, обстоятельства изменились, это дело объединило две старшие музы, чего мы ни разу не допускали за весь минувший век. А как она написала статью про налогообложение и всю нынешнюю бухгалтерию, так возле них крутится третья старшая муза, Урания. Стоит ей признаться, что где-то она встречала в написанных Каллиопой романах знакомые ей личные жизненные коллизии, как та запустит ее часики, она найдет способ! Эвтерпа тоже уже где-то рядом только ждет своего часа...

В конце своей речи старик начал сбиваться на скороговорку, с мольбой глядя на продолжавшую безучастно молчать Окипету. Ему показалось, что в ее больших миндалевидных глазах теплится какое-то сочувствие.

Внезапно горячей волной, залившей краской щеки его побледневшего лица, он вспомнил свой последний разговор с Каллиопой в ее блоге накануне суда. Это было больше года назад, но все отчетливо тут же всплыло в услужливой памяти.

Он тогда высказал ей все, что думает о ней, зная, что следователи никак не могут написать ей обвинительное заключение. У него на самом деле было такое чувство, будто она предала их всех, вставив в смешном виде все проведенные в отношении нее следственные мероприятия, подло сорвав попытку навсегда избавиться от нее, поместив в психиатрическую лечебницу. Каллиопа ответила, что в верности его ведомству не присягала и обеспечивать успехи их

отвратительных «следственных мероприятий» за счет будущего своего ребенка – тоже не намерена. А скоро ему самому придется доказывать свою преданность со словами обычного предателя: «Ну, пожалуйста! Дайте мне еще немного времени! Я сделаю все, что в моих силах, прошу вас!» - в таких условиях, что врагу не пожелаешь. И тогда посмеялся над ее очередными фантазиями, пожелав ей сполна получить за ее экстремизм.

Он с ужасом увидел, как на холеных ладонях медленно приближавшегося к нему удивительно красивого мужчины выросли заостренные перламутровые ногти, будто все это время его гость с большой неохотой их втягивал. Глаза женщины-птицы засветились какой-то немислимой в этом мире страстью, и старик, чувствуя, как намокают брюки его пижамы, в отчаянии прорыдал: «Пожалуйста! Дайте мне еще немного времени! Я сделаю все, что в моих силах, прошу вас!..»